

КРИСТИНА
ГЕНРИ

АЛИСА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9 (73)

ББК 84(7Coe)-44

Г34

Christina Henry

ALICE

All rights reserved including the right of reproduction
in whole or in part in any form.

This edition published by arrangement with
Berkley, an imprint of Penguin Publishing Group,
a division of Penguin Random House LLC.

Перевод с английского *Веры Соломахиной*
Дизайн обложки *Екатерины Фerez*

Генри, Кристина.

Г34 Алиса: [роман] / Кристина Генри; пер. с англ.
В. Соломахиной. — Москва: Издательство АСТ,
2022. — 320 с. — (Злые сказки Кристины Генри).

ISBN 978-5-17-116611-3

В лабиринте разрушающихся зданий, называемом Старым городом, где живут отчаявшиеся люди, стоит больница с бетонными стенами, от которых отражаются крики бедняг, запертых внутри.

В больнице есть женщина. Ее когда-то светлые волосы болтаются колтунами. Она не помнит, почему оказалась в таком ужасном месте. Только давнее чаепитие, и длинные уши, и кровь...

Но однажды ночью пожар в больнице дает женщине шанс сбежать, выпрыгнув из норы, которая удерживала ее в заключении. Шанс раскрыть правду о том, что же произошло многие годы назад.

Только женщина – не единственная беглянка. Что-то еще выбралось на свободу. Темное. Мощное. И чтобы узнать правду, женщине придется преследовать этого зверя до самого сердца Старого города, где кролик ждет свою Алису.

УДК 821.111-312.9 (73)

ББК 84(7Coe)-44

Copyright © 2015 by Tina Raffaele

© В. Соломахина, перевод на русский язык,
2019

ISBN 978-5-17-116611-3

© ООО «Издательство АСТ», 2020

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Если запрокинуть голову, пока не упрешься затылком в стену, и чуть наклонить влево, сквозь решетку виднеется краешек луны. Самый краешек, серебристый, он будто совсем рядом, так бы и укусила. Ломтик сыра, кусочек торта, чашечка чаю, как принято в гостях. Однажды ее уже поили чаем, кто-то длинноухий с голубовато-зелеными глазами. Как ни странно, она не помнила его лица. Воспоминания о нем были смутные, как в тумане, вырисовывались лишь глаза и уши, такие длинные и пушистые.

Когда ее нашли, то не смогли добиться ничего, кроме единственного слова:

— Кролик. Кролик. Кролик.

И так без конца.

Вот и решили, что она сошла с ума. Алиса знала, что не рехнулась. Может, самую малость, но не совсем. Однако от порошков, которыми ее пичкали, перед глазами все плыло и кружилось, навеяв мысли о безумии.

Когда к ней наконец, помимо слова «кролик», вернулись и другие слова, все оказалось в точности так, как она рассказала. Они с Дор отправились в Старый город отмечать день рождения. Дор исполнилось шестнадцать. Шестнадцать свечек тебе, моя милая, кусочек торта и чашечку чаю. Уходили они вместе, но вернулась только Алиса. Она объявилась две недели спустя в платье с чужого плеча, вся в крови, бормоча про чай и кролика. По ногам еще текла кровь, а бедра были сплошь в синяках от чьих-то пальцев.

Алиса машинально потрогала длинный широкий шрам на левой щеке, который тянулся по скуле от виска до верхней губы. Когда ее нашли, рваная рана была уже не свежей, сочащаяся кровь запеклась на ней жуткой черной коркой. Где и как она поранилась, так и осталось загадкой. Врачи сделали все, что смогли, — так они сказали родителям, но прежнюю красоту было не вернуть.

Сестра же заметила, что сама, мол, виновата. Держалась бы подальше от Старого города, как было велено, ничего бы такого не произошло.

Не зря же они жили в Новом городе, как бы отмежевавшемся от Старого кольцом новеньких сверкающих зданий. Старый город — для всякого отребья, приличным горожанам там не место. Детей обычно предупреждали, что соваться в Старый город опасно. И Алисе там делать нечего.

Больница, где Алиса провела последние десять лет, располагалась в Старом городе. Сестра ошибалась, Алиса в Старом городе была своей.

АЛИСА

Изредка, будто отбывая повинность, ее навещали родители, морщились, как от дурного запаха, хотя перед каждой встречей санитарки волокли Алису в ненавистную ей душевую. Вода была ледяной, скребли нещадно до боли и никогда не позволяли помыться самой.

Когда Алиса упиралась или кричала, ее лупили щеткой или щипали аж до синяков, причем так, чтобы они не бросались в глаза, — за грудь или внизу живота, угрожая добавить, если не образумится.

Теперь родители совсем не показывались. Алиса даже не могла припомнить последнюю встречу, так давно это было. Серые будни медленно тянулись однообразной чередой, книг ей не приносили и заняться было решительно нечем. Тесак предложил тренировки, чтобы не потерять форму, когда она выйдет из больницы, но Алиса в глубине души подозревала, что воли ей не видать. Она была сломлена, а Новый город обломков не принимал. Только целое, с иголочки. Алиса едва помнила те времена, когда была цела и невредима. Казалось, та девчонка — совершенно другой человек, просто какая-то давняя знакомая.

— Алиса? — раздался голос из мышиной норы.

Много лет назад в стене завелась мышь и прогрызла дырку между комнатами Алисы и Тесака. Куда делась эта мышь — неизвестно. Может, попала в мышеловку на кухне или упала в реку и утонула. Но мышь познакомила ее с Тесаком, грубый голос которого слышался из-за стены.

Поначалу Алиса и впрямь решила, что свихнулась, раз мерещатся какие-то голоса.

— Эй ты, — позвал голос.

Дико озираясь по сторонам, она в ужасе заби-
лась в угол подальше от окна и двери.

— Эй ты. Вниз посмотри, — сказал голос.

Алиса решительно заткнула уши. Слышать го-
лоса — признак помешательства, это общеиз-
вестный факт, а она себе обещала оставаться
в здравом уме, что бы там ни говорили, как бы
ни было трудно. После нескольких секунд бла-
женной тишины она опустила руки и уже спо-
койнее огляделась.

За стеной послышался тяжкий вздох:

— В мышиную нору, балда.

Алиса с тревогой уставилась на небольшое от-
верстие в противоположном углу. Пожалуй, гово-
рящая мышь будет даже похлеще голосов в голове.
Если бывают говорящие мыши, то люди с голубо-
вато-зелеными глазами и длинными пушистыми
ушами — и подавно. И хоть она не помнила лица,
страх в памяти засел накрепко. Она уставилась
на мышиную нору, словно ожидая, что оттуда
явится какая-нибудь жуткая тварь или вылезет
Кролик, чтобы завершить когда-то начатое.

Еще вздох, резкий, нетерпеливый.

— Да ни черта тебе не мерещится, и никакой
мышь тут нет. Это я, в соседней палате, и я тебя
вижу через дырку. Ты не чокнулась, это не магия,
ну пожалуйста, подойди поближе, давай пого-
ворим, пока я окончательно не взбесился!

АЛИСА

— Если это не магия и ты мне не мерещишься, откуда ты знаешь, о чем я думаю? — подозрительно спросила Алиса.

А вдруг это козни врачей, не заманивают ли ее в ловушку?

С завтраком и обедом ей давали какие-то порошки, так называемое «успокоительное». Но даже после них в ней оставалась частичка прежней Алисы, способной задуматься, помечтать, попытаться вспомнить забытые фрагменты жизни. Когда ее выводили из комнаты в душевую или на свидание с родственниками, изредка на глаза попадались другие пациенты, застывшие, с пустыми глазами, пускающие слюни, вроде живые, но совершенно безучастные. Так называемые «тяжелые». Им вместо порошков делали уколы. Алиса боялась уколов, поэтому старалась ничем не привлекать внимания врачей. Тех самых, что могли заманивать голосами за стеной.

— Я угадываю мысли, потому что на твоём месте думал бы так же, — сказал голос. — Мы ведь в психушке. Ну подойди, загляни в дырку — сама увидишь.

Алиса осторожно поднялась, все еще в сомнениях, вдруг это галлюцинация или проделки врачей, прошла под окном и присела у мышиной норки.

— Так только колени видно, — посетовал голос. — Опустись на пол, пожалуйста.

Алиса легла на живот, держа голову подальше от стены, опасаясь, что из дыры выскочит спица и вонзится ей в глаз.

Прижавшись щекой к полу, она заглянула в узкое отверстие. На той стороне показался свинцово-серый глаз и часть носа с горбинкой. Дальше видно не было, но, судя по всему, этот нос когда-то был сломан.

Никого из знакомых врачей человек не напоминал, но Алиса рисковать не хотела.

— Покажи все лицо, — попросила она.

— Ага, соображаешь, — одобрил серый глаз. — Хорошо. Значит, не просто смазливая мордашка.

Алиса машинально потянулась прикрыть шрам рукой и только тогда вспомнила, что та щека прижата к полу, и его все равно не видно.

Ну и пусть думает, что она симпатичная, раз ему так хочется. Все-таки приятно хоть кому-то показаться симпатичной даже с нечесаными волосами и в шерстяном балахоне на голое тело. Послышалось шуршание шерсти по обивке стены, серый глаз отпрянул от дыры, и появился второй, а с ними — длинный перебитый нос и густая черная борода с проседью.

— Ну как, видно? — спросил голос. — Я Тесак.

Так они и познакомились. Тесак был на десять лет старше Алисы, и его никто никогда не навещал.

— За что тебя сюда упекли? — однажды спросила она, когда они стали уже давними приятелями, хотя никогда по-настоящему друг друга не видели.

— Народу много порешил, — ответил он. — Топором. За это Тесаком и прозвали.

— А раньше как звали? — спросила Алиса.

Удивительно, но ее ничуть не потревожило открытие, что новый друг — убийца. Будто те серые глаза и хриплый голос за стеной теперь принадлежали совсем другому человеку.

— Не помню, — вздохнул он. — До того момента совсем ничего. Меня нашли с окровавленным топором в руке, а вокруг пять трупов, изрубленных на куски. Когда приехала полиция, я и на них набросился, так что, наверное, это моих рук дело.

— За что ты их?

— Не помню, — сказал он каким-то севшим голосом. — Словно пелена перед глазами, как будто все заволакивает черным дымом. Помню, как топор оттягивал руку, брызги теплой крови на лице и во рту. И тот звук, когда топор входит в плоть.

— Я тоже это помню, — вдруг ни с того ни с сего вырвалось у Алисы. Хотя на какое-то мгновение ей и правда померещился звук ножа, пронзающего кожу, этот хруст погружающегося лезвия и чей-то крик.

— А ты много народу прикончила? — спросил он.

— Не знаю, — ответила Алиса. — Все может быть.

— Это ничего, я бы понял.

— Я правда не знаю, — повторила она. — Помню, что было до и после, но за те две недели просто какое-то затмение, одни обрывки.

— Тот тип с длинными ушами.

— Да, — подтвердила Алиса.

Тот самый, безликий, что являлся в кошмарных снах.

— Вот выберемся отсюда, найдем его, и тогда ты узнаешь, что с тобой случилось, — заверил Тесак.

С тех пор прошло восемь лет, но они по-прежнему томились взаперти в соседних палатах лечебницы, без всякой надежды выбраться на свободу.

— Алиса! — снова позвал Тесак. — Мне не спится.

Она отогнала воспоминания, навеянные луной и звуком его голоса.

— Мне тоже не спится, Тес, — ответила она, подползая к мышинной норе.

На полу было гораздо темнее. Освещения в палатах не было, только серебристый лунный свет сквозь решетки да редкие проблески фонаря в руках санитаров при обходе. В такой темноте цвета глаз было не различить, только влажный блеск.

— Алиса, Бармаглот проснулся, — сообщил Тесак тонким дрожащим голосом. Он редко давал слабину, чаще храбрился, порой даже чересчур.

Целыми днями из его палаты доносилось натужное кряхтение, сопровождавшее тренировки. Каждый раз, когда санитары приходили за ним, чтобы отвести в душевую, без шума, ударов, возни и воплей не обходилось. Алиса не раз слышала хруст костей и ругань санитаров.

Однажды она спросила, почему ему не делают уколы, как другим буйным. Он только с усмешкой прищурился и заявил, что от уколов ему совсем

крышу сносит, вот его и не трогают. Даже порошков не дают.

Тесак никогда никого не боялся, если не вспоминал про Бармаглота.

— Да нет никакого Бармаглота, Тес, — успокаивала его Алиса.

Когда-то он уже рассказывал об этом чудовище, но в последнее время вспоминал о нем все чаще.

— Ты в него не веришь, знаю. Но он здесь, Алиса. Его держат в подвале. Я чувствую, когда он пробуждается, — уверял Тесак.

Кроме страха в голосе слышалась мольба, и Алиса сдалась. В конце концов, верила же она в человека с кроличьими ушами, и Тесак принимал это как должное.

— Что ты чувствуешь? — поинтересовалась она.

— Чувствую, как тьма обступает со всех сторон, затмевая луну. Как кровь ручьями струится по стенам, а по улицам — целые реки. Как я оказываюсь у него в пасти. Так будет, если он вырвется на свободу, Алиса. Он томится здесь давно, дольше, чем ты или я.

— Но как можно поймать такое чудовище? — вслух изумилась Алиса.

Тесак беспокойно завожился на полу. Она слышала, как он ворочался.

— Точно не скажу, — заговорил он, понизив голос, и ей пришлось напрячь слух. — Наверное, это дело рук волшебника.

— Волшебника? — переспросила Алиса.

Такой чуши она от него еще не слыхала:

— Волшебники на свете уж давно перевелись. Их изгнали или уничтожили много веков назад, во времена Очищения. Это здание не такое древнее. Как волшебник мог поймать Бармаглота и заточить его здесь?

— На это способен только волшебник, — настаивал Тесак. — Простому человеку с ним не сладить.

Алиса мирилась с его фантазиями о чудовище в подвале, но выдумки про волшебников — это уже чересчур. Хотя что толку спорить? Порошков Тесак не принимал, уколов ему не делали, вот он и начинал иногда бузить — мог выть часами напролет или молотить по стене, разбивая в кровь кулаки.

Поэтому Алиса промолчала, слушая его неровное дыхание и стенания других пациентов, эхом разносящиеся по зданию.

— Жаль, что я не могу взять тебя за руку, — посоветовал Тесак. — Я никогда не видел тебя целиком. Только частями через дырку. Я пытаюсь их сложить в единое целое в голове, чтобы представить тебя всю, но как-то не очень получается.

— А я тебя представляю просто серыми глазами с бородой, — поделилась Алиса.

Тесак тихо, но как-то безрадостно засмеялся.

— Как Кролика, только глаза и мех. Интересно, Алиса, если бы мы встретились на улице, поздоровались бы?

Она заколебалась. Не хотелось его обижать, но и врать тоже. Как ее родители. Они могли сказать:

— Ты прекрасно выглядишь. Скоро вернешься домой.

Но Алиса знала, что это ложь.

— Алиса? — снова позвал Тесак, отвлекая ее от раздумий.

— Не знаю, состоялась бы эта встреча, — осторожно сказала она. — Ведь я жила в Новом городе, а ты... кажется, из Старого.

— А-а, фу-ты, ну-ты, — жестко протянул Тесак, — звезде не пристало мараться в Старом городе. А оно, вишь, как обернулось, вывозилась по уши. Теперь мы с тобой одного поля ягоды.

Сказал, будто кулаком врезал, у нее даже дыхание перехватило. Но он был прав, ничего не скажешь. Правда — это все, что у нее осталось. Только правда и Тесак.

— Да, — согласилась она, — мы оба здесь.

Они надолго замолчали. Алиса затихла во тьме, наблюдая за ползущим по полу пятном лунного света. Похоже, Тесак сегодня ходил по лезвию ножа, не стоило его подталкивать.

— Прости, Алиса, — наконец сказал он и снова стал похож на привычного знакомого Теса.

— Перестань... — начала она, но он перебил ее.

— Зря я такое ляпнул, — повинился он. — Алиса, ты мой единственный лучик света. Без тебя я бы давно тут загнулся. Просто Бармаглот проснулся, из-за него всякая дрянь в голову лезет.

— Как топор входит в плоть, — вспомнила она его слова.

— И теплая кровь на руках, — добавил Тесак. — Как вспомню — словно в себя прихожу. Словно вот такой я на самом деле.

— По крайней мере, у тебя хоть какие-то мысли на этот счет, — заключила Алиса. — А я так и не успела разобраться, в самом начале запуталась.

За стенкой снова слышалась возня.

— Меня будто клопы заели, — пожаловался он, — спой что-нибудь.

— Да я и песен не знаю, — удивилась она просьбе.

— Нет, знаешь, ты целый день ее напеваешь, а если не поешь, то мурлычешь. Что-то про мотылька.

— Мотылька? — переспросила она и при этом слове сразу вспомнила, будто услышала мамин голос. Напоминание о навеки утраченной любви было таким мучительным, словно сердце пронзили насквозь. Она запела вслух, чтобы заглушить память собственным голосом:

*Спи, мотылек,
Спи, мотылек,
День ушел отдыхать,
Спи, мотылек,
Спи, мотылек,
Скоро утро опять.
Глазки закрой и закутайся в ночь,
Страхи твои улетучатся прочь.*